

Содержание

Рецензия на статью Л. В Сапоговской «Золотые ресурсы СССР в военно-экономическом противостоянии 1939-1945 гг. (постановка проблемы)» (П.С.Гуров, Д.В.Муромцев)	2
Рецензия на статью Сапоговской Л.В. «Золото в политике России» (автор неизвестен)	14

**Рецензия на статью Л. В Сапоговской «Золотые ресурсы СССР в военно-экономическом противостоянии 1939-1945 гг. (постановка проблемы)»
(П.С.Гуров, Д.В.Муромцев)**

Внутренняя критика источника

Статья Л. В Сапоговской «Золотые ресурсы СССР в военно-экономическом противостоянии 1939-1945 гг. (постановка проблемы)» опубликована в журнале «Вопросы истории» 2005 г. № 5.

Подзаголовок «постановка проблемы» автор объясняет следующим: анализ значения золотых ресурсов СССР для победы над фашистской Германией еще не стал предметом самостоятельного исследования. Обращает на себя внимание тот факт, что в анализе экономики СССР военных лет («военной экономики»), в реестрах источников его победы в Великой Отечественной войне собственная золотодобыча традиционно, начиная с исследования Н.А. Вознесенского, либо вообще не упоминается, либо ей не уделяется должного места.

Такое положение вызвано прежде всего закрытостью для исследователей архивной информации. Между тем систематизация накопленных в литературе данных позволяет не только наметить направления поисков, но и сделать некоторые выводы в контексте историко-экономических аспектов Второй мировой войны. Ибо на ряде важнейших этапов военного противостояния потенциал золотодобывающего производства и наличные мобильные резервы золота существенно влияли не только на организацию военной экономики, но, в известной степени, и на определение внешнеполитических установок вовлеченных в войну государств.

В статье подробно рассматривается проблема золотых ресурсов Советского Правительства в годы второй мировой войны

Внешняя критика источника

Перед изложением проблемы автор оценивает прежде всего предвоенное состояние золотого запаса СССР. Золото составляло основу валютно-металлического резерва Госбанка СССР. По данным на 1932 г. он оценивался в 734 млн руб., из которых 678 млн (92,4%) приходилось на золото (525 т). Эта цифра не является показателем объема золотого запаса СССР: помимо Наркомата финансов и Государственного банка во времена Сталина часть золотого запаса хранилась в НКВД: 20 июня 1939 г. был организован 5-й спецотдел НКВД СССР (с 26 февраля 1941 г. — Отдел государственного хранилища, с 31 июля 1941 г. 6-й спецотдел). Величина золотого запаса являлась государственной тайной, открытой, возможно, только Сталину, достоверной информацией о размере запасов не владел даже министр финансов. Расход золота также лично контролировал Сталин. Еще в 1930 г. он дал наркому внешней торговли А.П. Розенгольцу указание ограничить физический вывоз золота. Это же требование учитывалось при заключении соглашений с Германией 1931, 1935, 1939 гг.: СССР обязывался расплачиваться с партнером товарными поставками. В так называемых закрытых товарных списках фигурировали зерно и промышленное сырье — прежде всего необогащенные руды, золото же предписывалось всячески «придерживать» (особенно после 1933 года)". Золоту в изменившихся условиях придавалось такое значение, что со второй половины 1930-х годов успех экспортных операций измерялся «данным на индустриализацию золотом».

Автор отмечает также, что возрастанию роли золота поспособствовали не только драматичные события финансовой истории стран Запада, но и изменения военно-политической обстановки, связанные с нарушениями условий Версальского договора. Готовившаяся к войне гитлеровская Германия использовала торговые соглашения в целях накопления в

Рейхсбанке возможно больших запасов золота. В 1938—1939 гг. он овладел золотыми запасами аннексированных Австрии и Чехии (эта задача была специально поставлена войскам, вошедшим в Вену и Прагу). Все это влияло на политику СССР в сфере регулирования производства, внутреннего обращения и внешней реализации золота.

Начавшаяся война потребовала пересмотра хозяйственно-экономических приоритетов. Но значение золотодобывающей промышленности и в новых условиях только возрастало. Лишь на краткий миг — в первые полтора месяца войны, ознаменованные ошеломительным продвижением германских войск и спешным разворачиванием эвакуации на восток, золотодобывающая отрасль осталась вне сферы прямых директив правительства, его пристального внимания.

В 1941 — 1945 гг. была развернута кампания по сбору пожертвований так называемого весового золота. В городах эта кампания была направлена прежде всего на извлечение бытового золота — изделий и украшений, а в золотопромысловых районах — на «припрятанное» шлиховое золото, вопросу о происхождении которого — вопреки условиям предвоенной жесточайшей государственной монополии — государство вновь не придавало значения. Особенно интенсивно эту кампанию, в соответствии с директивами правительственных органов, надлежало проводить именно в районах золотодобычи. Автор также отмечает, что беспощадно в годы войны велась борьба с любыми проявлениями внутреннего свободного обращения физического золота и особенно со спекуляцией им.

Важнейшим внутренним источником золота, разумеется, была его промышленная добыча. В Главзолоте в годы войны основной упор делался на развитие россыпных месторождений, как менее фондо- и ресурсоемких при разработке. Работы же на таких крупных рудных производствах, как Балей-, Березов-, Миасс-золото, были приостановлены. Поскольку при разработке рудного золота использовалось оборудование практически такое же, как и в других отраслях горной промышленности, в 1941 — 1943 гг. было

проведено перераспределение его путем демонтажа и перемещения из золотодобывающих предприятий в отрасли, добывающие стратегическое сырье.

Особое внимание автор уделяет двум секторам добычи золота – официальному и в ГУЛАГе (Дальстрой).

В официальном секторе старательские артели зачастую формировались из членов семей работников, ушедших на фронт. Для выполнения планов добычи практиковалось проведение так называемых «дней золота», когда на работу выходило полностью население промысловых районов. Делались добровольные отчисления на создание танковой колонны «Советский старатель». Главзолоту постоянно не хватало техники и рабочих рук — освобождение работников от призыва на фронт стало применяться систематически только с начала 1944 года.

В поддержании уровня золотодобычи важнейшую роль играл, продемонстрировав свой чрезвычайный потенциал, «неофициальный» сектор советской золотопромышленности в виде военизированного подразделения могущественной структуры НКВД — Дальстроя, поставлявшего «дешевое» колымское золото.

Но форсирование золотодобычи в рамках системы Дальстроя в эти годы сдерживалось рядом трудностей и новых, специфически военных, обстоятельств: уменьшились централизованные поставки техники, оборудования, горюче-смазочных материалов, сократилось финансирование геологоразведочных работ и, конечно, ухудшились социально-бытовые условия. Производственные подразделения по возможности перешли на режим «самообеспечения». Дело осложнялось неразвитостью дорожной сети. Строительство необходимого для освоения района 600-километрового тракта (Сусуман— Кандыга) началось только накануне войны. Хотя в распоряжение Удорлага (Управления дорогами лагерей Дальстроя) с этой целью было переведено 400 тыс. заключенных из 60 лагерей (значение тракта с началом

войны связывалось уже не только с золотодобычей, но и возведением в крае военных объектов), закончилось строительство только в 1947 году.

Ключевым положением этого документа было введение нового административного понятия "район Дальстроя". С территории партийного треста изгонялся национальный округ и соответствующие партийно-советские органы. Все властные полномочия вручались лично Берзину. Партийный трест, созданный предыдущим постановлением Политбюро, получил теперь еще и право экстерриториальности. "Район Дальстроя", охватывавший тогда около полумиллиона квадратных километров, отдавался в единоличное управление кадровому сотруднику карательного органа - ОГПУ.

Этот район становился, фактически, самостоятельным государством, на территории которого вместо Конституции и партийного Устава действовали приказы и инструкции директора. Судьба заключенных, как и вольнонаемных работников, оказывалась в полной зависимости от личных качеств начальника. По воспоминаниям бывших репрессированных, отбывших срок в лагерях Дальстроя, все изменения личной биографии каждого из них зависели, почти всегда, от желаний и настроений, от характера того или иного служащего лагерной администрации. Гипертрофированная роль личностного, субъективного фактора - одна из особенностей Дальстроя как репрессивного механизма.

Таким образом, в 30-е гг. Дальстрой занимал особое место в формировавшейся тогда тоталитарной системе Советского Союза. В политико-правовом аспекте территория особого треста (около миллиона квадратных километров в 1937 г.) при Берзине составляла совершенно самостоятельное административное образование внутри СССР. Фактически там не действовала Конституция и другие государственные законодательные акты, в партийных структурах не применялись основные положения Устава ВКП(б). Сталин установил на Колыме режим личной власти директора Дальстроя чекиста Берзина.

Однако после того, как был репрессирован единственный "контролер" особого треста Ягода, возникла потенциальная возможность неуправляемых самостоятельных действий названного режима. Сталин ликвидировал эту возможность, приказав в декабре 1937 г. арестовать и уничтожить Берзина. В марте 1938 г. территория Дальстроя была передана из партийного подчинения в структуру НКВД: особый трест преобразовали в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД.

Последнее преобразование сохраняло экстерриториальность Дальстроя, но режим личной власти на его территории был несколько ослаблен.

В производственном отношении режим личной власти (в обоих вариантах) позволял руководителям Дальстроя концентрировать в необходимый момент материальные и кадровые ресурсы на самых важных направлениях и, большей частью, добиваться успеха. Однако цена этого успеха преступна: в лагерях Дальстроя в 1941 г. содержалось 176.7 тысяч заключенных, из них около половины были репрессированы необоснованно по политическим мотивам. Более одиннадцати тысяч безвинных человек в конце 30-х гг. были расстреляны. Ежегодно от невыносимых условий труда и быта погибало до 15% лагерного контингента.

К концу 1940 г. Дальстрой стал крупнейшим в СССР производственно-репрессивным подразделением советской системы тоталитаризма. Он успешно выполнил поставленные Сталиным задачи: руками заключенных и вольнонаемных на Колыме в 1932-1940 гг. было добыто 350 тонн золота. Это позволило советскому государству покупать за это золото за рубежом необходимое промышленное оборудование, создавать мощный военный потенциал.

Можно без преувеличения сказать, что без золота Дальстроя в довоенный период Советский Союз не смог бы в столь короткий срок стать индустриальной державой и подготовиться к Великой Отечественной войне.

С началом войны значительная часть рабочей силы и специалистов Дальстроя была переориентирована на добычу олова, поскольку СССР обязался поставлять этот металл союзникам. И хотя в годы войны олово заняло в деятельности треста официально роль «первого металла», развитие его добычи должно было происходить без сокращения «основной продукции» — золота. Таковы были установки правительства, планы на каждый из приисков Дальстроя верстались в соответствии с уровнем довоенных объемов добычи.

В 1942—1944 гг. Дальстрой выполнил, а в 1945 г. перевыполнил государственные планы по добыче золота. Эти показатели свидетельствуют и о росте производительности труда, в основе которого лежали факторы разной природы — как техническое усовершенствование работ, рост числа вольнонаемных и «заинтересованных», так и ужесточение эксплуатации труда.

Важным сведением выступает и то, что СССР был одной из немногих стран, не прекративших своей золотодобычи в годы второй мировой войны³⁷. Уже с ноября 1941 г. Московский аффинажный завод (Государственное предприятие по аффинажу благородных металлов имени НКВД), эвакуированный в Новосибирск, начал выпускать готовую продукцию — расчетные золотые слитки из «нового» золота, и спецпосылки с этими слитками партия за партией переправлялись в Москву. Роль золотых ресурсов СССР в обеспечении союзнических поставок была особенно важна на первом этапе войны. Здесь автор снова возвращается к поставкам по ленд-лизу.

Война актуализировала «золотое измерение» их потенциала: золото требовалось для оплаты поставок союзников СССР на торгово-коммерческой основе, позже по ленд-лизу и для урегулирования долгов по нему после войны.

Таким образом, как отмечает автор, суть проблемы состоит в характеристике, с одной стороны, путей и средств активизации источников

поступлений золота, с другой — влияния объемов мобильных, готовых к использованию резервов золота на внутреннюю и внешнюю политику СССР, направлений и механизмов их включения в решение важнейших проблем жизнедеятельности страны в этот особый для нее период военно-экономического противостояния.

11 марта 1941 г. конгресс США принял закон о Land-Lease, который давал правительству США право передавать займы или в аренду другим государствам различные товары или материалы, необходимые для обороны этих государств, если их оборона, по определению президента США, являлась жизненно важной для обороны самих США.

В ноябре 1941 г. действие закона было распространено на СССР. Однако, как таковые поставки материалов и оборудования, покупаемых за золото, начались в конце июня 1941 г. Интересным фактом является то, что тов. Сталин оплатил часть поставок испанским золотым запасом, переданным в СССР республиканцами "на время гражданской войны". По иронии судьбы корабль с золотом («Эдинбург») был потоплен на пути в США и груз подняли только в 80-е годы.

Как известно, золото Испании общей стоимостью 518 млн долларов, было израсходовано испанским правительством на закупку советского вооружения, обучение в СССР специалистов для Народной армии и оплату услуг советских военных советников к концу 1938 года. Все эти расходы оформлялись с точностью до грамма и полные данные о них хранятся в архиве МИД России. Есть они и в государственном архиве Испании. Другое дело, что в течение многих лет тема «испанского золота» была в СССР под запретом. Еще в 1937 году в Лондоне в Комитете по невмешательству в дела Испании делегации Германии и Италии попытались было поднять вопрос о местонахождении золотого запаса испанского банка. Но из Москвы на имя советского представителя И. Майского последовало указание «решительно возражать против обсуждения лондонским комитетом вопроса об испанском золоте», которое было беспрекословно выполнено. Поэтому есть все

основания полагать, что домыслы о том, что СССР присвоил себе 3/4 золотого запаса Испании, доставленного в Москву в ноябре 1936 года, не соответствуют действительности. Но вот судьба остальной части испанского золота до сих пор неизвестна.

Возвращаясь к теме статьи, можно сказать, что в СССР поставлялась боевая техника, боеприпасы и, как основное, сырье и заводское оборудование. Союз в свою очередь отправлял на Запад грузы "традиционного русского экспорта": руды, пиломатериалы и т.п.

После мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. даже США были вынуждены ввести государственную монополию на золото. Вторая мировая война вызвала новые чудовищные военные расходы, и золото СССР и Англии рекой потекло в США. Англия уже к 1943 г. отдала весь свой золотой запас американцам. А в 1941 году госсекретарь США Д. Ачесон прибыл в Москву, чтобы выяснить платежные возможности СССР. По приказу И. В. Сталина специальный самолет отвез госсекретаря в Магадан, а оттуда он отправился на колымские прииски, где американцу показали выемку намытого золота с запечатанных промывальных приборов. При виде огромной груды тускло поблескивающих самородков американец снял шляпу и сказал, что у него нет никаких сомнений в платежных возможностях России.

Значение для США информации о состоянии золотодобывающей промышленности СССР связано с тем, что, в отличие от других стран, пользовавшихся ленд-лизом, СССР по условиям договора не обязан был представлять так называемый «бюджетный доклад» с данными о размере наличных золотых запасов. Для СССР было сделано исключение, Великобритания же, например, в этом смысле была вынуждена стать совершенно «открытой». Правительство США настойчиво интересовалось всем, что было связано с золотым потенциалом СССР. 14 июля 1943 г., действуя по прямым указаниям Управления стратегических служб, Монетный двор американского казначейства сделал запрос, «какое количество золота и серебра было

использовано в промышленности в течение 1942 г., какое количество этого металла было добыто в этом году, какое количество золота и серебра, а также бумажных денег имелось в стране для использования в денежном обращении».

Закон о ленд-лизе был принят американским конгрессом 11 марта 1941 г. Он устанавливал порядок передачи Соединенными Штатами союзным странам займы или в аренду вооружений и других материалов, необходимых для ведения войны. На СССР этот закон был распространён только в начале 1942 г.

Утверждают, что без этих поставок Советский Союз не смог бы одолеть фашистскую Германию. Чтобы понять несостоятельность подобных заявлений, достаточно сравнить объем советского отечественного производства вооружения с поставками из США и Англии. Наиболее показательным является обеспечение Красной Армии важнейшими видами оружия эпохи второй мировой войны — самолетами и танками. По американским официальным данным, из США в СССР за все время войны было отправлено 14 450 самолетов и около 7 тыс. танков. Из Англии по 30 апреля 1944 г. было отправлено 3384 самолета и 4292 танка. 1188 танков были доставлены за тот же период из Канады. Между тем советская промышленность в течение трех последних лет Великой Отечественной войны выпускала более 30 тыс. танков и самоходных орудий и до 40 тыс. самолетов ежегодно. Все поставки промышленных товаров со стороны союзников за всю войну составили всего 4 % советской промышленной продукции. Несмотря на то что правительства Англии и США всячески задерживали поставки СССР, а тем более затягивали открытие второго фронта, самый факт создания антигитлеровской коалиции, в которой объединились государства двух противоположных систем, являлся событием большой исторической важности.

Оценка источника

В целом источник понравился наличием любопытных сведений по золотому запасу СССР и восполнением сведений по истории, так как автором отмечается, что данный период был совершенно не исследован по тематике вопроса, поставленного в статье.

В новых условиях мировой финансово-экономической системы, ограниченности послевоенных экспортных ресурсов, острой необходимости для СССР кредитов, а также разворачивавшейся «холодной войны» значение мобильных золотых ресурсов осознавалось руководством страны. Характерной реакцией советского правительства на возрастание роли золота в послевоенной мировой экономике выглядит перевод всей советской золотопромышленности в ведение Министерства внутренних дел. На базе бывшего Главзолота было создано Специальное главное управление (СГУ МВД СССР) Главспеццветмет.

Даже на фоне возрастания после войны значения принудительной экономики НКВД—МВД и осознания недостаточности «обычного» принуждения (чрезвычайных законов, регулирующих трудовую деятельность), закрепления людей за предприятиями, а также практики создания для реализации особо важных задач особых чрезвычайных структур (отделы Спецкомитета ГКО), это решение предстает максимально «радикальным».

В обстановке нового этапа международного экономического противостояния, а также ввиду труднейших задач по преодолению разрухи и восстановлению экономики по-новому может быть оценено и значение пополнения золотых ресурсов СССР в годы войны за счет поддержания собственной золотодобычи.

Недостатком статьи можно назвать то, что автор, вскользь упоминает о проблеме испанского золота, вывезенного в СССР в конце 30-х годов, но эта тема не получает развития.

Общий вывод и заключение

Данная статья может быть рекомендована в качестве дополнительного источника по изучению отечественной истории и экономики. Основные выводы по статье автор делает следующие: в целом проблема «золотого измерения» военной экономики стран-участниц второй мировой войны, своеобразная «золотая война» — тотальная мобилизация золота в качестве оружия в войне и послевоенном устройстве мира — еще ожидает своего исследователя. К 1945 г. США располагали гигантским золотым запасом, исчислявшимся в 22,4 тыс. т золота (25 млрд дол.) — около 70% мировых запасов (на 1949 г.). В итоге с 1950 г. цена на золото стала официально исчисляться не в британских фунтах, а в американских долларах.

Действительным и действующим «американским трофеем войны» и основой дальнейшего процветания США стало Бреттон-Вудское соглашение. Значение золота в новой валютно-финансовой системе было опосредовано новым статусом доллара как всемирной валюты. Согласно уставу Международного валютного фонда, учрежденного Бреттон-Вудской конференцией, стране-члену Международного валютного фонда при регистрации паритета своей валюты необходимо было заявить таковой либо в золоте, либо в долларах. Единство доллара и золота, провозглашенное уставом МВФ, базировалось на одностороннем обязательстве правительства США конвертировать золото в доллар. Это была так называемая «дополнительно урезанная форма золотого стандарта», когда к доллару применялись условия межгосударственного золотослиткового стандарта, ко всем прочим валютам — межгосударственного золотовалютного стандарта. Тем не менее значение золота в послевоенной мировой финансовой системе объективно возросло: оно официально восстанавливалось в роли международного измерителя стоимости денежных единиц, кроме того, золото объявлялось главной формой международных резервов, конечным средством погашения платежного баланса.

**Рецензия на статью Сапоговской Л.В. «Золото в политике России»
(автор неизвестен)**

Значение золота как особой экономической ценности и России как одной из крупнейших золотодобывающих стран не predeterminedелили адекватного историографического отражения проблем становления и развития отечественной золотодобычи.

Истоки историографической традиции проблематики связаны с исследованиями непосредственных практиков золотого дела - чиновников горного ведомства и золотопромышленников. Это были, как правило, статистические обзоры золотодобычи, предваренные краткими историческими справками об освоении тех или иных промысловых систем. Первые претендующие на известный уровень обобщения очерки по истории частного золотого промысла были опубликованы в 60-70-е гг. XIX в. на страницах «Горного журнала».

Подавляющее большинство последующих исследований досоветского периода были посвящены судьбам отдельных золотопромышленных районов. Как правило, они содержали сюжеты о первооткрывателях месторождений, крупнейших предприятиях, представляли динамику золотодобычи и характеристику общеэкономических и природных условий разработки, первостепенное внимание уделялось наиболее острым проблемам развития промысла.

На известный уровень обобщения проблем развития золотопромышленности в пределах России в целом могут в разной степени претендовать лишь единичные исследования.

Сапоговской Л.В. принадлежит очень много работ, посвященных золотопромышленности России.

Из них, например, монография «Золотопромышленность России через историю одной компании»; «Березовская золотопромышленная компания»; а также «Досоветская историография о монополиях в

уральской горнозаводской промышленности»; «Развитие горнозаводской промышленности и основные тенденции ее монополизации (90-е гг. XIX в. – 1917 г.); Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861-1917гг.); Развитие горнозаводской промышленности Урала и основные тенденции ее монополизации в конце XIX - начале XX вв. (90-е гг. XIX - 1917г.); Экономические процессы в горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861-1917 гг.); Диссертация «Частная золотопромышленность России на рубеже XIX-XX вв. (Урал и Сибирь - модели развития)», «Золотопромышленное законодательство СССР, его особенности, история и ближайшие проблемы».

Среди других работ по данной тематике можно назвать труд Солдатова Л.К. «Золотопромышленность в системе народного и мирового хозяйства».

Российская золотопромышленная историография знает лишь единичные случаи монографических исследований, посвященных отдельным фирмам. Думается, это немалое упущение. Из работ макроуровня ускользают генерирующая новое знание нюансировка, "конкретика", которая делает историю не схемой, но объемной голограммой, а также столь дефицитная "антропология" данной сферы деятельности. В предпринятом недавно исследовании по истории "Березовской золотопромышленной компании" (1874-1917 гг.), "освоенные" два существующих архивных фонда компании (РГИА, ГАСО) позволили обратиться к анализу полных годовых динамических рядов структуры добычи (по видам и подразделениям в рамках фирмы), производительности работ, себестоимости золота, его содержания в рудах и россыпях, а также уникальных для отраслевой историографии - прибылей/убытков и изменения состава и долевого участия пайщиков. Выполненный самыми традиционными, элементарными математическими методами анализ статистики - эвристичен. Судьба компании прорисовывается как развитие ситуаций "выбора", когда определялась

дальнейшая стратегия и тактика развития компании, складывались механизмы саморегулирования предприятия, формировались резервы развития, само же понятие "судьба" утрачивает свои внеисторически-эзотерические смыслы.

Важнейшими вехами истории фирмы стали получение разрешения на разработку россыпей на первоначальном участке и приобретение для этих целей двух новых, допущение к работам старательства, сокращение норм подати и обязательной поставки золота в казну, получение права добычи других (кроме золота) полезных ископаемых. Этот "поток льгот", по сути, изменивший профиль компании, контуры и направления ее развития, словно "вывернувший наизнанку" первоначальные постановочные условия договора, был обусловлен тем, что в России шел сложный период накопления необходимого для золотостандартной денежной реформы разменного фонда. К рубежу 80-х - 90-х гг. положение Березовской компании было, в общем, определившимся. Можно сказать, что за счет комплекса проведенных мероприятий по постановке работ, развитию разведок, поддержанию системы водоотлива, "завоеванию" облегченных правовых условий был достигнут некий status quo, и статус этот, наконец, "осветили" долгожданные дивиденды.

На Березовских промыслах утвердился смешанный способ освоения золотоносных недр, - частью хозяйскими, частью старательскими отрядными работами. Внешние эксперты, теоретики и практики того времени были единодушны в том, что это был единственно возможный путь для арендного золотопромышленного предпринимательства, связанного договорными обязательствами с казной. Более глубинное обоснование такого рода "обреченности" было обусловлено общим состоянием развития отечественной золотопромышленности, всем комплексом сложившихся экономических и правовых условий, стимулировавшим, прежде всего, "легкое" золото. Важнейшей

особенностью всех перечисленных ранее динамических рядов является подверженность значительным колебаниям, они характеризуются сравнительно большим масштабом годовых сдвигов и минимальной продолжительностью (в среднем 2,7 года) циклов однонаправленных изменений. Ряды содержания золота в породах обладают хаотической природой, при данном уровне производства "вторично" хаотичны ряды добычи, общего дохода и т.д. Пресловутый "фарт" по-прежнему господствовал.

Со временем все более очевидным становилось "перепутье" приоритетов рудногороссыпного золота. Первое требовало новых вложений и отодвигало горизонты дивидендов, второе было утешительным для карманов пайщиков, но не гарантировало прочности и стабильности дела. На этом перепутье многое следовало переосмыслить и взвесить, хозяйственная практика едва ли не каждый день преподносила аргументы в пользу то одного, то другого выбора.

В широкой хронологии общая тенденция развития структуры добычи, как наглядно показывает графическая аналитика, была альтернативна - сокращение россыпной добычи вело к наращиванию рудной и наоборот. На рубеже XIX-XX вв. Березовская компания взяла курс на развитие рудной добычи. Отчасти это был вынужденный шаг, продиктованный значительным истощением легких россыпей, свою роль сыграло повышение цен на золото, введение его свободного обращения.

Но и этот период деятельности компании знал немало отступлений от намеченного курса, технические новации вводились "с оглядкой", а приоритеты "прибыльности дела сегодня" были почти незыблемы. Смена мотивационных механизмов происходила вслед за накоплением критической массы социально-экономических изменений, определяющей иные приоритеты, в том числе, модели эндогенного (основанного на внутренних ресурсах, а не правительственной поддержке) преуспевания,

ориентации на фондоемкую оптимизацию организационно-технологической структуры дел. Новая модель деятельности Березовской компании легко персонифицируема. Кардинально изменился состав пайщиков и расстановка сил долевого участия, у рычагов управления делом встали люди иной генерации.

Эволюция в течение 40-летнего периода состава пайщиков отражала важнейшие тенденции развития отечественной золотопромышленности. К их числу следует отнести поддерживаемый правительственной политикой элитный состав капиталов в отрасли (аристократы, чиновники, генералитет), прослеживаются этапы, "волны" дворянского предпринимательства в золотодобыче: 1860-е гг. - период "высочайших дарений", 1870-е - 1880-е гг. - приватизационный, 1890-е - 1900-е гг. - "рецидива золотой лихорадки", связанный с щедрой раздачей концессий. На рубеже XIX-XX вв. реальным фактором развития отрасли становилась демократизация состава золотопромышленного предпринимательства. Недавние выходцы из низших социальных слоев занимали все более значимые места и "роли" в золотопромышленном бизнесе как по объемам вкладываемых капиталов, так и по близости к рычагам управления. Развитие в России финансового капитала на фоне острейшего дефицита кредита в золотопромышленности не могло не привести к расширению участия в делах отрасли коммерческих банков, отсутствие непосредственно паевого "проникновения" банковского капитала в дела компании было связано с тем, что она неизменно находилась под своеобразной "охраной" имен блистательных приближенных ко двору персон.

Историю Березовской компании можно рассматривать как уникальный экономический "эксперимент", когда государство, оставаясь собственником недр и осуществляя контроль за золотодобычей, передает огромную территорию в разработку частной компании и ставит перед ней

задачу "правильной", в формулировке тех лет, то есть техно- и фондоемкой добычи, максимизации ее объемов.

Л.В. Сапоговской также принадлежит исследование предпринимательской деятельности буржуазии в золотопромышленной отрасли народного хозяйства.

В докторской диссертации Л.В. Сапоговской, защищенной в 1998 г. в Екатеринбурге, представлена база данных золотопромышленных компаний России, в том числе и Сибири, на 1890 и 1910 гг., в которую включены сведения о владельцах частных золотопромышленных компаний с указанием размеров добычи золота и другой информацией.

В работе Л.В. Сапоговской, написанной совместно с В.Г. Железкиным «Исторический опыт промышленной политики в России как исследовательская проблема» мы сталкиваемся с экономическими реалиями современной России. Выдвинут, по сути, императив восстановления и развития отечественной промышленности. Проблема эта из сферы идейных баталий все более перемещается в строгую область государственного целеполагания. В этих условиях непродуктивны стереотипы исторического агностицизма. Они лишают "творцов высокой политики" весьма важных исторических резервов в их теоретических "депозитах", обедняют системы вариантов решения тех или иных конкретных практических вопросов. Очевидно, что познание реального – не мифологизированного и не ангажированного теми или иными общественными силами, исторического опыта возможно лишь на основе накопления конкретно-исторических разработок. В литературе же по экономической истории России исследования по промышленной политике представлены явно непропорционально объективному значению проблемы. Достаточно сказать, что в широкой хронологии истории XVIII – начала XX вв. не наберется и десятка названий, где само это понятие фигурирует.

Двумя важнейшими блоками источниковой базы исследования промышленной политики являются: соответствующие документы

правительств, органов государственной власти, нормативные акты. Первый представлен материалами обсуждений и программного характера документами. Нормативные акты толкуются нами в данном случае в предельно "расширительном" смысле – это не только законы, указы, постановления, но и различные подзаконные акты – инструкции, распоряжения, "письма", а также директивы местных государственных органов, ведающих промышленностью.

Авторы подчеркивают особое значение в изучении проблемы – нормативных актов. Во-первых, в известном смысле их совокупность и составляет содержание промышленной политики. Во-вторых, нормативные акты своеобразно отражают внутреннюю логику эволюции промышленной политики, понимаемую через циклы "взаимодействий": ее социальных, теоретических основ и непосредственной системы предпринимаемых мер; последних и методов их осуществления; полученных результатов и новой генерации задач, мер и методов. В-третьих, всесторонний анализ содержания нормативной документации служит основой оценки "качества" промышленной политики – ее преобразующего и инновационного потенциала и степени адаптивной готовности. В-четвертых, обращение к этому источниковому комплексу позволяет представить промышленную политику операционально (отчленив ее, с одной стороны, от промышленной деятельности, с другой – от политики экономической).

В качестве одного из приоритетных на настоящий момент направлений в исследовании проблемы следует, по убеждению авторов, рассматривать анализ промышленной политики как процесса перманентного. В данном случае имеет смысл принципиально исходить из того, что по мере изменения социально-экономического пространства, высвобождающаяся правовая и административная ниша постоянно заполнялась новым, адекватным ему содержанием, обеспечивающим функционирование и развитие промышленности. Такой подход позволит проанализировать внутренне присущую эволюции промышленной политики, содержательную и

временную структуру, отказавшись от традиционного формального ее представления с точки зрения смены царствований и правительств, которое весьма ограниченно способствует приращению знания. Оставляя за скобками данных тезисов постановку проблемы "наличия" промышленной политики, как таковой применительно к целому ряду периодов экономического развития России, обращаем внимание на целесообразность определения "выраженности" и насыщенности государственного регулирования индустриальной сферы.

Очевидно, что прорисованный исследовательский алгоритм диктует необходимость создания базы данных по нормативным актам, относящимся к сфере промышленности.

Статья «Золото в политике России (1917-1821)» также представляет немаловажный интерес.

В данной статье автор рассказывает об этапах развития экономики золота в России, о проблеме накопления золотого ресурса в стране, а также о золотопромышленной политике в эти годы.

Автор утверждает, что «в первые годы своего существования советское государство демонстрировало характерное смещение приоритетов политики в сфере золота – не произвести, не «сэкономить», не добыть, но изъять» [с.32]. «В стране разворачивалась мощная, не затухавшая на протяжении почти пяти лет, кампания по реквизициям и конфискациям ценностей, в ходе которой особое значение придавалось драгоценным металлам. Такого рода деятельность была поставлена во главу угла советской политики в сфере накопления валютного металла» [с. 32]. Соответственно, данные действия оформлялись системой соответствующих законодательных актов.

Как утверждает автор, только «в середине лета 1918 г. правительство впервые обратило внимание на промышленную добычу. Вызвано это было, однако, не заботой о состоянии отрасли, а общей национализацией

крупнейших промышленных предприятий по известному декрету 28 июня 1918 г.» [с. 33].

Далее Сапоговская подчеркивает, что с этого декрета «началась собственно золотопромышленная политика новой власти. Государство в этот период выступало более в роли «амбаропромышленника» - производством непосредственно не занималось, но, обеспечивая предприятия всем необходимым, скупало добытое» [с. 34].

Имел место пониженный статус золотодобывающей отрасли, что было связано, по словам Сапоговской, «с тем, что, во-первых, военнокуммунистические натурально-распределительные принципы хозяйствования временно сняли проблему золота, во-вторых, сказывалось действие внешней блокады и особых санкций на продажу большевиками золота на мировых рынках», «на этапе самой жесткой экономической блокады золото находило неофициальный сбыт, а определяющую роль в установлении приоритетов политики в сфере золота по-прежнему играли массивные поступления конфискованных драгоценных металлов. На их фоне развитие золотодобычи из недр, требовавшей значительных финансовых вложений, особого интереса для власти не представляло» [с. 37].

В плане внешнеторгового обмена золоту отводилась особо значимая роль. «Значительный интерес к золоту наблюдался со стороны всех потенциальных торговых партнеров советской республики» [с. 38]. А советское правительство спешно приступило к организации аппарата сбыта, мобилизовав «компетентные партийные силы».

Нависла угроза дефицита золота. «Интенсивность оттока золота за рубеж была такова, что к началу 1922 г. государственные кладовые в Нижегородском банке и Казани, два крупнейших из трех мест хранения золотого запаса РСФСР, были критически опустошены». Автор также утверждает, что «делались крупные траты золота на цели, лежащие вне

проблем хозяйственного развития. Золотом оплачивались дипломатические решения» [с. 41]. В статье приводятся любопытные по этому поводу данные: «Характерны и «непроизводительные» траты золота. Большевики не экономили его, укрепляя разраставшийся государственный аппарат, поддерживая нарождавшуюся партийно-государственную номенклатуру. «Конфискат» использовался на лечение и отдых особо важных для партии персон даже в самые трудные годы. Объем средств, направленных на содержание сотрудников ВЦИК, ВЧК, поражает в соизмерении с другими, в том числе «производственными» затратами» [с. 42]. Таким образом, «государственные кладовые стремительно пустели». Перед правительством вставал вопрос «скорейшего накопления золотого запаса».

Рубеж 1921-1922 гг. оказался периодом драматичного поиска оптимальных механизмов хозяйствования, в частности в сфере экономики золота. Государство лишь в начале 1922 г. начало серьезно задумываться о проблемах золотодобывающей отрасли. К тому времени уже наметилась специфика золопромышленной политики – «создание – во имя получения валютного металла – системы льгот и преимуществ, особых условий развития отрасли, формирование ее статуса промышленности стратегического значения, а также установки на получение золота любой ценой» [с. 44].

В целом данная статья представляет интерес в плане изучения основных моментов в развитии золопромышленной политики России и будет интересна не только для исследователей данного вопроса, но и для тех, кто непосредственно связан с этой областью. А также для финансовых аналитиков, преподавателей, и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами рынка золота.

Настоящее исследование является глубоко продуманным и систематизированным.